

НАТА РАЧЕВСКАЯ

~~АПРЕЛЯ~~
НЕ БУДЕТ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ната Рачевская

Апреля не будет

<https://litres.ru/73920323>

SelfPub; 2026

Аннотация

В Ереване ветер трепал занавески на его балконе, а у меня за стеной тихо вздыхал во сне законный муж. И я верила, что этот голос в телефоне — моё спасение.

Ната думала, что её брак просто остыл, пока в сети не появился он. Тридцатилетний успешный мужчина из Армении с глубоким голосом и умением читать её душу на расстоянии.

Месяцы ночных переписок, тысячи аудиосообщений и безумная дофаминовая зависимость стерли реальность. Ната была готова разрушить свою жизнь, забрать двоих детей и сделать шаг в неизвестность.

Она ждала свою весну. Виртуальный замок рухнул, оставив после себя лишь жесткие манипуляции, кавказские традиции, через которые невозможно переступить, и леденящую пустоту. Оказалось, что для него она — лишь красивая проекция в чате, женщина с «неправильным» прошлым.

Это честная, болезненная и пугающе откровенная история о том, как любовь по переписке становится самым изощренным психологическим триллером.

Книга публикуется в формате черновика.

Содержание

Глава 1. Двадцать второе декабря	4
Глава 2. Армянский акцент декабря	14
Глава 3. Честный приговор	23
Глава 4. География тоски	28

Ната Рачевская

Апреля не будет

Глава 1. Двадцать второе декабря

В сорок два года ты внезапно обнаруживаешь, что твоя жизнь — это безупречно сконструированный фасад, за которым давно никто не живет. Мой быт к тому декабрю напоминал операционную: стерильно, функционально и абсолютно безвоздушно. Каждое утро я просыпалась по будильнику, который не просто будил меня, а как будто давал команду «включить режим симуляции». В этом режиме я была идеальной версией себя: женой, матерью двоих детей, женщиной, чей маникюр всегда обновлен вовремя, а холодильник заполнен продуктами с правильным содержанием омега-3. Я научилась виртуозно носить эту маску благополучия, пока внутри меня медленно, слой за слоем, нарастала вечная мерзлота.

В моем доме вещи обладали большей волей, чем я сама. Чашки в кухонном шкафу были развернуты ручками строго вправо — не из-за эстетики, а из-за навязчивого желания удержать под контролем хотя бы этот крошечный фарфоровый мир, пока мой собственный внутренний космос рассыпался в прах. Детские кроссовки в прихожей стояли

по линейке, символизируя порядок, которого не существовало в моей голове. Мы с Антоном превратились в двух высококлассных менеджеров по управлению совместным хозяйством. Наш брак был как антикварные напольные часы: они всё еще выглядели солидно, их корпус из темного дерева блестел от полироли, но механизм внутри давно забился пылью привычек, мелких обид и тотального равнодушия. Мы разговаривали заголовками: «Забери детей», «Что на ужин?», «Нужно оплатить счета». Наше соитие по субботам напоминало выполнение обязательного норматива — беззвучно, предсказуемо, с легким чувством облегчения в финале от того, что долг выполнен и можно снова разойтись по своим углам ментального ринга. Я называла это стабильностью. На самом деле это был анабиоз, медленная смерть заживо в интерьерах премиум-класса.

22 декабря Москва напоминала серый, плохо пропеченный пирог. С неба сыпалась какая-то неопределенная субстанция — то ли мелкий снег, то ли пепел от сгоревших дедлайнов. Город задыхался в предновогодней агонии, сверкая гирляндами с той же отчаянной натужностью, с какой я улыбалась гостям на семейных обедах. В этот день я стояла у окна в нашей просторной квартире на Остоженке, где каждый квадратный метр стоил целое состояние, но не стоил ни грамма тепла. Я прижалась лбом к стеклу, чувствуя, как его холод проникает под кожу, стремясь соединиться с тем холодом, что уже поселился у меня под ребрами. Внутри меня

застыла звенящая пустота. Это не была депрессия — та хотя бы имеет вес, форму и очертания. Это была сенсорная депривация. Я перестала чувствовать вкус еды, запах собственного парфюма, вес одеяла по ночам. Я стала прозрачной для самой себя, превратившись в бесплотную функцию, обслуживающую чужие жизни.

Я посмотрела на свои руки, лежащие на мраморном подоконнике. Идеальный цвет «пыльная роза», ровные лунки, гладкая кожа. Руки женщины, которая всё успевает. Руки, которые гладят школьные рубашки, подписывают счета и готовят лазанью. Но эти руки уже сто лет не дрожали от предвкушения чужого прикосновения. Мой внутренний ресурс был не просто на нуле — он ушел в глубокий минус, оставив после себя выжженную землю. Я была как старый смартфон с изношенным аккумулятором: заряжаешься всю ночь, а через десять минут использования экран гаснет, оставляя тебя один на один с темнотой. Я привыкла к этой темноте, научилась считать её нормой, пока тишину пустой кухни не разрезала резкая, требовательная вибрация телефона.

Он лежал на кухонном острове — холодный кусок стекла и металла, мой единственный легальный способ побега из реальности. Я не ждала ничего, кроме очередного уведомления от банка или дежурного вопроса из родительского чата о цвете чешек для новогоднего утрянника. Но экран вспыхнул, высветив имя, которое не вписывалось в мой упорядоченный список контактов. Имя, которое пахло южным солн-

цем, табаком и далекими горами.

Тимур.

В тот момент я еще не осознавала, что эта короткая вспышка — начало необратимой термической реакции, которая взорвет к чертям всю мою выстроенную годами конструкцию. Я взяла аппарат в руки. Пальцы, привыкшие к механическому скроллингу новостных лент, вдруг стали тяжелыми и чужими. На экране светилось всего три слова.

— Привет, Ната, — прочитала я.

Он не назвал меня Натальей. Он не использовал вежливую дистанцию, подобающую разнице в одиннадцать лет, о которой я узнаю чуть позже. Это короткое, почти детское «Ната» ударило меня под дых с силой наотмашь. В этом имени я снова увидела ту девушку, которой была до брака, до детей, до того, как научилась прятать свои настоящие желания в вакуумные пакеты и убирать их на верхнюю полку шкафа. Это имя звучало как выстрел в тишине полусонного музея. Я медленно опустилась на высокий барный стул, чувствуя, как по позвоночнику пробежал забытый, пугающий электрический разряд. Сколько времени я не чувствовала себя просто женщиной, чье имя можно вот так сократить, превратив его в пароль к чему-то запретному? Антон давно называл меня либо «Зая», либо просто по факту — «Мать». А здесь — Ната. Две гласные, два согласных — и целая пропасть между тем, кто я есть на самом деле, и тем, кем я изо всех сил пытаюсь казаться для окружающих.

Я начала печатать ответ, и мои пальцы начали подрагивать. Это была первая, едва заметная трещина в моем ледяном панцире. Я смутно осознавала, что этот Тимур — огромный, неоправданный риск, что он младше, что он из другого мира, из совершенно иной культуры, где отношения строятся на иных скоростях и страстях. Но именно эта пугающая инаковость притягивала меня, как открытый огонь притягивает бабочку, которая уже давно замерзла внутри гербария. Мы начали переписываться. Сначала это были осторожные, светские фразы, прощупывание чужих границ. Он написал, что находится в Москве по делам, временно, всего на неделю. Он был где-то здесь, в нескольких станциях метро от моего упорядоченного персонального ада. И в этом слове «временно» крылась его главная, непреодолимая прелесть. Он не претендовал на мой шкаф, мою ипотеку, мое расписание или мою фамилию. Он претендовал только на мое внимание.

— Ты грустная на фото в профиле, — написал он через десять минут, ломая все правила приличия. — Почему у такой красивой женщины такие холодные глаза?

Этот банальный, казалось бы, заход сработал безотказно, потому что он попал в самую кровоточащую точку. Мои глаза действительно были холодными — не от злости или высокомерия, а от долгого, бессрочного пребывания в криокамере брака. Тимур начал отогревать их своими словами. Он писал дерзко, почти нагло, игнорируя социальные условности и разницу в возрасте. Его мгновенный переход на «ты»

не казался хамством — это было как предложение перейти на другой, тайный язык, где нет чинов, обязательств и прожитых лет, а есть только два человека в безвоздушном цифровом пространстве.

Я поймала себя на том, что улыбаюсь. Не той дежурной, отрепетированной улыбкой, которую я практиковала перед зеркалом для встреч с клиентами или родителями мужа, а настоящей, от которой непривычно сводит мышцы лица. Это было почти физически больно — снова начинать чувствовать. Мой иссушенный ресурс начал сочиться откуда-то из глубины, заполняя те самые дефициты, о которых я даже боялась думать долгими бессонными ночами. Мне не хватало не просто секса — мне не хватало бытия. Мне не хватало подтверждения того, что я всё ещё жива, что я осязаема, что я существую как женщина, а не как бытовой комбайн.

В этот момент в прихожей хлопнула входная дверь. Я вздрогнула, будто меня поймали на месте преступления, хотя я всего лишь смотрела на светящийся экран. В квартиру вошел Антон.

— Ната, ты заказала фильтры для воды? — его ровный голос донесся до кухни вместе со звуком расстегиваемой молнии на куртке.

Этот голос был голосом моей серой реальности. В нем никогда не было музыки, только сухая бухгалтерия быта. Он вошел на кухню — высокий, надежный, предсказуемый, как прогноз погоды на завтрашнее утро. Он подошел и поце-

ловал меня в щеку — мимоходом, сухо, как ставят печать на скучный официальный документ. Я почувствовала знакомый запах его парфюма, смешанный с запахом бензина и офисного кондиционера. Еще минуту назад я мысленно вдыхала аромат южного ветра и спелых гранатов, а теперь — снова фильтры для воды и обсуждение коммунальных проблем.

— Заказала, — ответила я, стараясь, чтобы дыхание осталось ровным. — Приедут завтра в первой половине дня.

Я поспешно положила телефон на мрамор острова экраном вниз. Но я продолжала чувствовать его спиной. Я кожей ощущала, как там, под черным глянцевым стеклом, пульсирует другое, запретное измерение. Антон сел напротив, привычным движением открыл ноутбук, и между нами снова мгновенно выросла невидимая, но абсолютно непробиваемая стена из Wi-Fi сигналов, недосказанности и многолетнего равнодушия. Мы ели ужин, который я приготовила днем, и звук ножей, скребущих по фарфоровым тарелкам, казался мне оглушительным, как набат.

— Как прошел день? — спросил он, не поднимая глаз от графиков на экране. — Нормально, — солгала я.

«Нормально» — самое страшное и разрушительное слово в семейной жизни. Оно означает, что ничего не произошло, но на самом деле за ним скрывается тектонический сдвиг и тихая катастрофа. Я смотрела на его руки — сильные, ухоженные, знакомые мне до каждой родинки и шрама. Эти ру-

ки когда-то, в прошлой жизни, заставляли меня дышать чаще, а теперь они просто держали вилку, совершая механические жевательные движения. Внезапно, с пугающей отчетливостью я поняла, что между мной и этим человеком лежит не пятнадцать лет совместной жизни, а световые годы абсолютной пустоты.

Телефон на столе снова коротко завибрировал. Настойчиво. Зло. Антон на секунду поднял глаза от ноутбука.— Кто это так поздно пишет?— Реклама, наверное, или спам, — я быстро перехватила аппарат и убрала его в глубокий карман своего домашнего кашемирового кардигана.

В кармане телефон ощущался горячим, почти обжигающим, словно кусок угля. Я чувствовала, как через тонкую ткань домашней одежды передается это чужое, опасное тепло. Тимур писал мне из своего мира, и я уже знала, что не смогу, не захочу ему не ответить.

— Пойду уложу детей, — сказала я, поспешно вставая из-за стола и оставляя тарелку недоеденной.

Я шла по длинному коридору нашей квартиры, и каждый шаг казался мне предательством. Но, к своему ужасу, я понимала, что предаю не мужа. Я предавала ту «стабильную, правильную Наталью», которую я так усердно, по кирпичику строила все эти годы. В детской привычно пахло присыпкой, чистым бельем и теплым молоком. Я поцеловала сыновей, поправила им одеяла, совершила все те ритуалы, которые раньше давали мне ложное чувство опоры и выполнен-

ного долга. Но сегодня они казались мне лишь картонными декорациями в театре, который давно закрылся на капитальный ремонт.

Закрыв дверь в спальню и оставшись в темноте, я наконец вытащила телефон. Яркий свет экрана полоснул по глазам, заставив зажмуриться.

— Я скоро уеду обратно в Армению, Ната, — светилось на экране. — Но я хочу, чтобы ты знала: ты — самое странное и живое, что случилось со мной в этой холодной, мертвой Москве.

Я легла на свою половину нашей огромной двуспальной кровати. Антон еще оставался в гостиной, я слышала глухой стук клавиш его ноутбука. Я смотрела в темный потолок, и в моей голове, как безумный калейдоскоп, крутились слова «Ереван», «Ната», «декабрь». Я прекрасно понимала, рациональной частью ума, что этот мужчина — Тимур — никогда не станет частью моей реальной, осязаемой жизни. Он не будет чинить мои фильтры для воды, не будет забирать детей из школы, не будет делить со мной быт и планировать бюджет. И, господи, именно поэтому он был мне так отчаянно, до дрожи нужен.

Он был моим дефицитом, воплощенным в тексте. Он был моим ресурсом, который я начала жадно, взхлеб черпать из чужого, запретного колодца. Я закрыла глаза и впервые за много лет почувствовала, как по телу разливается не привычная свинцовая усталость, а живая, вибрирующая, опас-

ная тревога.

Вечер 22 декабря перестал быть серым. Огни за окном вдруг стали резкими, почти режущими глаза. Снег на подоконнике перестал быть грязным месивом — он стал идеальной декорацией для моего падения. Я стояла на самом краю бездны, на пороге самого странного, сладкого и разрушительного периода своей жизни. Тимур еще не признался мне, что никогда не выберет меня. Он еще не уехал в свой Ереван, оставив меня с выжженной душой и пустым чатом. Пока что он был просто голосом в темноте, который впервые за десятилетие вернул мне мое настоящее имя.

Ната.

Я снова посмотрела на свое отражение в темном зеркале шкафа в полумраке спальни. Из темноты на меня смотрела ухоженная женщина сорока двух лет, в дорогом свитере, хозяйка идеальной жизни. Но за ее спиной уже со свистом открывалась дверь в пустоту, и эта женщина, к своему собственному ужасу и восторгу, была абсолютно готова сделать шаг вперед. Точка замерзания осталась позади. Началась великая, неуправляемая оттепель, которая неизбежно должна была закончиться всепоглощающим потопом. И где-то на подкорке сознания я уже знала — апреля не будет. Но сейчас, в эту минуту, мне было на это наплевать.

Глава 2. Армянский акцент декабря

В тридцать один год мужчина обладает особой, хищной легкостью. Тимур вошел в мое личное пространство не как осторожный гость, а как полноправный захватчик, который даже не удосужился вытереть ноги о порог моих многолетних приличий. Его сообщения имели свой специфический, рваный ритм — синкопированный, неровный, тяжелый, истинно южный. Он писал так, будто не нажимал на сенсорный экран, а с усилием высекал буквы на грубом камне, а затем бросал эти камни в мое спокойное, затянутое ряской семейное озеро. Каждое новое уведомление вызывало во мне микро-сотрясение мозга. Я пугающе быстро превратилась в то самое павловское существо, ведомое базовыми инстинктами: синий огонек экрана — мгновенный выброс дофамина в кровь — секундное забытие, в котором бесследно исчезали дети, муж, быт и бесконечный список дел на завтрашнее утро.

В одиннадцать лет разницы между нами укладывалась целая геологическая эпоха, тектонический разлом. Когда я заканчивала университет, примеряла белую фату и училась варить свои первые семейные супы, он, вероятно, еще гонял мяч в пыльном ереванском дворе или только начинал смут-

но осознавать пугающую, магнетическую силу своего взгляда на женщин. Эта дистанция во времени поначалу казалась мне надежной страховкой, непробиваемым бронежилетом. Моя внутренняя «правильная Наталья», отвечающая за своевременный визит к стоматологу и замену зимней резины, поначалу высокомерно ухмылялась: «Ната, успокойся. Это просто мальчик. Безопасная, контролируемая инъекция южной экзотики в твою пресную жизнь». Но голос этого цензора становился всё тише, пока на третий день нашего знакомства не замолк окончательно, подавленный его баритоном, который я впервые услышала в голосовом сообщении.

— Ты знаешь, Ната, в Москве слишком много серого. Этот город душит. Ты — единственное живое, теплое пятно, которое я здесь встретил, хотя ты и прячешься за своими идеальными завтраками и этой броней из вежливости. Зачем тебе эта маска?

Его голос был густым, как выдержанное вино, с легким, едва уловимым акцентом, который придавал каждому слову почти осязаемый, физический вес. Армянский акцент в его исполнении не был дефектом речи или провинциальной чертой — это была особая архитектура мысли. В нем было больше пространства, больше терпкого горного воздуха и какой-то древней, первобытной уверенности в своем абсолютном праве обладать тем, что ему нравится. Я слушала это сообщение в ванной комнате, закрывшись на замок, включив воду на полную мощность, чтобы скрыть свое преступ-

ление от домашних. Я стояла перед большим зеркалом в дорогой раме, глядя на свое лицо, которое внезапно перестало быть лицом матери семейства, и слушала, как чужой мужчина произносит мое имя так, будто он его только что заново изобрел. В его устах я не была Натальей Николаевной. Я была Натой. Существом без возраста, обязанностей и шрамов прошлого.

На четвертый день наше общение окончательно пробило дно вежливой переписки и вышло в открытый космос чистой эротики. Это случилось внезапно, как гроза среди ясного декабрьского неба. Мы обсуждали какую-то бытовую чепуху, и вдруг разговор резко соскользнул в зону, где кожа становится тоньше, а дыхание — реже. Он не спрашивал разрешения, не подбирал политкорректных формулировок. Он просто начал описывать, что он сделал бы со мной, если бы между нами прямо сейчас не было километров замерзших московских пробок и моих обязательств перед миром.

Что чувствует женщина в сорок два года, чей сексуальный опыт в последние годы напоминал хорошо отлаженный, скучный технологический процесс — гигиенично, предсказуемо, по субботам, под одеялом, чтобы дети не услышали? Что происходит с ней, когда ей в мессенджер прилетает текст, от которого кровь мгновенно отливает от мозга и скапливается внизу живота тяжелым, горячим свинцом? Это было не просто банальное возбуждение. Это был яростный манифест возвращения тела из долгой, многолетней ссылки.

Мои руки, те самые «руки для проверки школьных уроков», внезапно вспомнили, что они могут крупно дрожать от вожделения. Текст Тимура был визуальным до галлюцинаций, до физической тошноты от желания: он описывал мои ключицы, линию затылка, изгиб бедра с такой пугающей детализацией, будто изучал меня под микроскопом годами, хотя видел лишь пару фотографий в профиле.

Я начала отвечать. Сначала робко, подбирая эпитеты и метафоры, как сапер на минном поле, а потом — с яростью и голодом человека, который слишком долго провел в изоляторе, окруженный пластиковыми муляжами настоящей еды. Мы строили наш виртуальный храм из букв, знаков препинания и смайлов, и в этом храме я была дикой, первобытной богиней, а не «хозяйкой уютного дома». Эти сообщения стали моим вторым дыханием и моим первым настоящим проклятием. Я начала вести двойную, изнуряющую жизнь на уровне физиологии. Мое тело присутствовало за обеденным столом, я передавала Антону салатник, улыбалась неловким шуткам детей, напоминала о необходимости помыть руки, но каждая моя клетка, каждый нервный конец были там — в скрытом чате, где Тимур медленно, сообщение за сообщением, снимал с меня кашемировую броню, мои социальные догмы и остатки здравого смысла.

— Я не выберу тебя, Ната, — написал он однажды вечером между детальным описанием того, как он хочет войти в меня, и ленивым рассказом о своей большой семье в Арме-

нии. — Я сразу говорю тебе это, честно, чтобы ты не строила воздушных замков и не ждала от меня колец. У нас слишком разные дороги, слишком много «но». Но сейчас сейчас позволь мне быть твоим зеркалом. Посмотри на себя моими глазами. Ты же прекрасна.

Эта фраза — «я не выберу тебя» — должна была стать стоп-сигналом, ледяным душем, который заставил бы меня заблокировать этот контакт навсегда. Но в моей искаженной, изголодавшейся реальности она прозвучала как долгожданная индульгенция. Раз он меня не выберет, значит, я ничем не рискую. Значит, я не разрушаю свою семью, не предаю Антона в классическом понимании, не ставлю под удар стабильность детей. Раз будущего нет, значит, это просто игра, временный инфоповод для внутренней встряски, эмоциональный курортный роман в текстовом формате. Господи, как глупа я была в своей самоуверенности. Нет ничего более разрушительного и опасного, чем мужчина, который честно, заранее предупредил, что он тебя не спасет и не останется. Это автоматический дает ему карт-бланш на любую форму эмоционального эгоизма и потребления твоего ресурса, а тебе — дарит фатальную иллюзию контроля над ситуацией. Ты думаешь, что контролируешь дозу, пока яд уже разъедает твои внутренние органы.

Москва в эти предновогодние дни превратилась для меня лишь в серую декорацию к его хриплому голосу. Я ехала в машине по делам, и когда навигатор монотонным жен-

ским голосом приказывал «через двести метров поверните направо», я мысленно слышала его: «Ната, ты сегодня снова надела это строгое черное пальто? Тебе идет этот траур по своей неслучившейся, не прожитой жизни». Он будто следил за мной через экраны городских камер, хотя мы так и не встретились во второй раз в реальном мире. Его присутствие в моей голове стало вездесущим, тотальным и при этом абсолютно неосязаемым, как радиационное излучение. Ты его не видишь, не чувствуешь запаха, но твои клетки уже мутируют. Это и есть истинная природа современного одиночества в браке — когда самый близкий, самый нужный человек живет внутри твоего смартфона, заряжающегося от розетки, а тот, кто греет твою постель и делит с тобой одеяло, постепенно превращается в безликий «белый шум», в элемент интерьера.

Тимур много и упоенно рассказывал о своем Ереване. В его сообщениях этот город оживал, приобретал запахи и цвета. Он писал о том, как пахнет цветущий жасмин на улицах, о строгих, пронизательных глазах своей матери, перед которой он до сих пор робеет, о понятии мужской чести, которое у них в крови важнее любой мимолетной любви, о древних камнях, которые помнят тысячи лет войн и великих династий. Он транслировал мне мир, где чувства имеют первозданную, почти дикую ценность, в абсолютный контраст моему миру, где всё было оптимизировано, оцифровано, взвешено и упаковано в жесткий календарь встреч и

платежей. Я заполняла им свои внутренние дефициты, как бездонную, заброшенную шахту. Мне не хватало не просто физической страсти — мне не хватало этой южной избыточности, этой способности открыто говорить «хочу» или «ты моя» без предварительного согласования с графиком отпусков и семейным бюджетом. Я пила его слова, как пересохшая земля пьет первый весенний дождь, не думая о том, что этот дождь может превратиться в разрушительный сель.

Двадцать восьмого декабря он уехал. Это был рубеж. В свой последний день в Москве он категорически отказался от реальной встречи, хотя я была готова бросить всё и приехать в любой конец города. Он написал: «Если я коснусь тебя сейчас, Ната, я не смогу сесть в самолет. Или ты не сможешь вернуться к своему семейному ужину и смотреть в глаза мужу. Давай оставим это на апрель. Апрель — время для того, чтобы сойти с ума по-настоящему, без спешки».

И я, всегда считавшая себя рациональной, взрослой Натальей, покорно согласилась. Я приняла эту пятимесячную отсрочку как высшую милость, как обещание чуда. Весь вечер двадцать восьмого декабря я провела в странном, болезненном оцепенении, забившись в угол дивана и безотрывно отслеживая рейс Москва — Ереван через приложение. Маленький желтый самолетик на экране телефона медленно полз через карту, унося мою ожившую, содравшую кожу душу туда, в кавказские горы, в туман, в чужую для меня культуру. А я оставалась сидеть в своей безупречно чистой, доро-

гой спальне. Антон зашел, на ходу снимая галстук, взглянул на мое бледное лицо и спросил с легким беспокойством:— Ната, ты в порядке? На тебе лица нет, ты какая-то бледная, будто прозрачная стала за последние дни.— Просто предновогодняя суета, устала от беготни по магазинам, — ответила я, быстрым движением пряча телефон под подушку, спиной чувствуя его вибрацию. — Всё нормально, я просто устала.

Я еще не знала, что эта «усталость» отныне станет моим хроническим, неизлечимым состоянием. Инкубационный период вируса по имени «Тимур» закончился, болезнь окончательно перешла в активную, смертельную стадию. В моем мысленном календаре появилась огромная, пульсирующая красным светом метка — Апрель. Я начала жить в режиме тотального ожидания, как сложная операционная система, которая замерла перед критическим обновлением, совершенно не подозревая, что этот патч сотрет всю базу данных к чертям и превратит процессор в кусок бесполезного пластика.

Армянский акцент его сообщений стал моим главным внутренним монологом. Я засыпала под утро, чувствуя вибрацию под подушкой как чужое, сильное сердцебиение рядом. Это была химическая зависимость чистейшей пробы, без примесей. В сорок два года я превратилась в жалкую наркоманку, чьим единственным дилером был тридцатидесятилетний эгоист, который сразу, честно расставил вокруг меня флажки и обозначил границы. Но в этом капкане, к мое-

му ужасу, было больше чистого кислорода, чем во всей моей предыдущей пятнадцатилетней биографии благополучной женщины.

Антон обнял меня во сне ближе к рассвету, его рука привычно и тяжело легла мне на талию — законная, предсказуемая, безопасная рука мужа. А я лежала, замерев, глядя в серую предрассветную темноту московского неба, и физически чувствовала, как в моем кармане, запертый в цифровую клетку мессенджера, дышит другой мужчина. Мой личный декабрьский грех. Мой Тимур. К концу месяца я окончательно поняла: я больше не принадлежу этой квартире, этому браку и, кажется, даже этим детям. Мой ресурс был безвозвратно передан в безвозмездное пользование человеку, который обещал мне только одно: что он меня не выберет. Но тогда, в конце декабря, я еще наивно верила, что у меня хватит сил переписать этот сценарий и заставить апрель случиться.

Глава 3. Честный приговор

Существует особая форма мужской жестокости, которую женщины ошибочно принимают за благородство. Она называется «предупредить на берегу». Мужчина как бы снимает с себя всякую ответственность за грядущее пепелище, протягивая тебе договор, в котором мелким шрифтом в самом низу написано: «Я тебя уничтожу, но ты подписываешь это добровольно».

Тот разговор случился еще до его отлета, в один из тех лихорадочных декабрьских вечеров, когда переписка росла в объемах, как снежный ком, катящийся с горы. Я сидела в машине на парковке торгового центра. Вокруг суетились люди с коробками подарков, багажники хлопали, неоновые вывески мигали праздничным зеленым светом, а внутри моего салона, зашторенного тонированными стеклами, пахло дорогим парфюмом и моим собственным, почти животным страхом. Телефон в руке вибрировал от его сообщений.

— Ты должна понимать, Ната, — написал Тимур после долгой, эротически заряженной паузы, от которой у меня всё еще горели губы. — Я никогда тебя не выберу. У меня есть своя жизнь, свои обязательства перед семьей, свой путь. Я армянин, для меня голос крови и воля матери — это не пустые слова. Я женюсь на той, кого одобряют в моем доме. Ты — замужем, у тебя дети, ты старше. У нас нет и не может

быть общего завтра. Я говорю это сейчас, чтобы потом ты не плакала и не винила меня.

Я смотрела на эти буквы на экране, и мне казалось, что воздух в машине внезапно закончился. Каждое слово было как аккуратный, хирургический разрез по живому мясу. Мой разум, воспитанный на правильных книгах и рациональных выводах, должен был кричать: «Беги! Заблокируй его! Вернись к Антону, к детям, к своей понятной и безопасной жизни!». Но человеческая психика — штука извращенная. В сорок два года, оказавшись в глубоком эмоциональном голоде, ты воспринимаешь отказ как самый мощный афродизиак.

Вместо того чтобы отпрянуть, я почувствовала, как внутри меня разливается странное, почти наркотическое облегчение. Ловушка захлопнулась с тихим, едва слышным щелчком. «Раз он меня не выберет, — зашептал мой внутренний адвокат, — значит, это абсолютно безопасно. Я не разрушу свой пятнадцатилетний брак. Я не стану той ужасной женщиной, которая бросает надежного, стабильного мужа ради молодого южанина. Это не измена, это просто аренда чужого тепла. Краткосрочный контракт на анимацию чувств».

Эта фраза — «я тебя не выберу» — стала моей личной индульгенцией. Она сняла с меня груз вины перед Антоном. Я внушила себе, что я контролирую ситуацию, что я просто беру этот ресурс во временное пользование, чтобы заполнить те самые черные дыры в душе, о которых муж даже не дога-

дывался. Тимур выдал мне лицензию на безумие, и я с радостью её приняла.

— Я знаю, — напечатали мои пальцы. — Я и сама ничего не ищу. Мне просто хорошо с тобой разговаривать.

Какая жалкая, трусливая ложь. Ни одна женщина не соглашается на общение с мужчиной, от которого у нее подкашиваются ноги, ради «просто разговаривать». Я уже была по уши в этой зависимости, я уже хотела обладать им целиком — его мыслями, его временем, его телом, но я послушно надела предложенный ошейник и сделала вид, что мне в нем удобно.

Тимур понравился мой ответ. Моя покорность развязала ему руки. Раз флажки расставлены и правила игры приняты, можно не церемониться с чужим сердцем. Его сообщения стали еще более интимными, еще более требовательными. Он начал забирать мой ресурс ведрами, зная, что я отдам всё до последней капли.

— Хорошая девочка, Ната, — прилетело в ответ через минуту. — Мне нравится, что ты всё понимаешь. Тогда давай просто греться, пока я здесь. И давай ждать наш апрель.

Я завела машину и поехала домой, к Антону. Весь путь по предновогодним пробкам я крутила в голове это его «хорошая девочка». Меня, взрослую женщину, руководителя, мать двоих сыновей, никто не называл «девочкой» последние лет двадцать. Антон обращался ко мне уважительно, спокойно, как к равному партнеру по бизнесу или сокамер-

нику по быту. А здесь это слово прозвучало как пощечина и поцелуй одновременно. Оно содрало с меня статус, возраст, обязательства и вернуло в состояние уязвимой, жаждущей одобрения девчонки.

Дома меня ждал привычный, стерильный ад. Антон сидел на кухне, перебирая какие-то квитанции. На плите остывал ужин.— Где ты была так долго? — спросил он, не поднимая глаз. — Пробки на Новой Риге?— Да, предновогодний коллапс, — ответила я, снимая пальто.

Я посмотрела на него и впервые поймала себя на мысли, что этот честный, ни в чем не виноватый человек вызывает у меня глухое, раздраженное отторжение. Я злилась на Антона за то, что он не Тимур. За то, что его голос не вибрирует от южного кавказского акцента, за то, что от его прикосновений не взрывается голова, за то, что он слишком правильный. В автофикшене это самый страшный момент — когда ты понимаешь, что твоя праведная семейная жизнь начнет проигрывать виртуальному фантому по всем фронтам, и ты сама взращиваешь в себе эту ненависть к невинному человеку, чтобы оправдать свое внутреннее падение.

Ночью, когда Антон уснул, я тихо сползла с кровати и ушла на кухню. Села на пол, прижавшись спиной к холодному фасаду гарнитура, и открыла чат.— Мне страшно, Тимур, — написала я в темноту.— Чего ты боишься, Ната? — ответ пришел почти мгновенно, будто он караулил мое сообщение.— Боюсь, что этот твой честный приговор окажется

слишком тяжелым. Боюсь, что я не справлюсь.— Ты справишься, — написал он с той самой первобытной уверенностью, которая меня и погубила. — Ты сильная, Ната. Я это вижу. Ты просто слишком долго спала. А теперь я тебя разбудил. Наслаждайся этим. Но помни: корабль не останется у берега. Он просто зашел в порт на заправку.

Я закрыла рот рукой, чтобы не разрыдаться. Он зашел в порт на заправку. Моя душа, моя энергия, мое внимание — всё это было для него просто топливом, бесплатным бензином премиум-класса, который он заливал в свой бак перед тем, как улететь в свою настоящую, скрытую от меня жизнь. А я была счастлива быть этой заправкой. Я была готова сжечь себя дотла, лишь бы его мотор работал, лишь бы этот синий огонек на экране продолжал мигать.

К концу декабря этот честный приговор стал моим главным внутренним стержнем. Я приняла его как данность, как неизлечимый диагноз. Я больше не ждала от Тимура чудес, я не ждала, что он передумает и позовет меня замуж. Я добровольно согласилась на роль тайной, невыбранной женщины, у которой есть право только на буквы в телефоне и на призрачный, далекий Апрель. Я думала, что эта честность защитит меня от боли. Я не понимала, что самая страшная боль — это та, на которую ты согласилась сама, подписав приговор собственной рукой.

Глава 4. География тоски

К февралю моя жизнь окончательно утратила всякую монолитность. Я больше не жила в Москве, на Остоженке, в квартире с панорамными окнами, где каждый элемент декора стоил как бюджет небольшого провинциального города. Вернее, мое физическое тело продолжало там находиться, совершать привычные, доведенные до автоматизма движения: нажимать на кнопки встроенной кофемашины, собирать ланч-боксы детям, проверять, плотно ли закрыты окна от ледяного сквозняка.

Но мое сознание совершило нелегальный, беспощадный переход границы. Я эмигрировала из собственной реальности, не вставая с мягкого дивана. Мой мир сузился до размеров экрана смартфона, а расширился — до координат 40.1772° с. ш., 44.5035° в. д.

Ереван.

До этого декабря Армения была для меня лишь далекой точкой на карте, страной из редких выпусков новостей или ярких туристических буклетов. Тяжелый розовый туф, гранаты, древние монастыри, застывшие на фоне неба. Теперь же этот город стал моей фантомной родиной, местом, где билось мое настоящее, украденное у семьи сердце. Я просыпалась в семь утра по Москве и первым делом, еще не разомкнув веки до конца и не смахнув остатки тяжелого сна, от-

крывала приложение «Погода». Мне жизненно необходимо было знать: идет ли там сейчас дождь? Светит ли солнце на площади Республики? Какова влажность воздуха, которым Тимур дышит, выходя из своего подъезда в этот самый момент?

— В Ереване сегодня плюс восемь и солнце, — шептала я себе, глядя в окно на московское серое месиво, где термометр застыл на отметке минус двенадцать, а реагенты разъедали колеса автомобилей.

Эта разница в двадцать градусов ощущалась мной как глубокая биологическая, экзистенциальная несправедливость. Мне казалось, что там, рядом с ним, жизнь течет быстрее, ярче, она пульсирует и пахнет весной, а здесь я заперта в огромной, дорогой криокамере, где всё — чувства, люди, события — покрылось толстым, непробиваемым слоем инея.

Я начала жить в двух часовых поясах одновременно. Ереванское время опережало московское на один час, и этот час стал моей личной временной аномалией. Когда у нас было одиннадцать вечера и Антон, выключив прикроватную лампу, послушно поворачивался на бок, в Ереване уже была полночь. Самое время для тех сообщений, от которых кровь отливает от мозга, а в жилах закипает свинец.

Я стала одержима картами. Google Maps в режиме просмотра улиц полностью заменили мне прогулки по реальным московским паркам. Я часами «ходила» по улицам Еревана, изучала трещины на асфальте у Каскада, заглядывала в вир-

туальные окна кафе на улице Абовяна. Я искала его дом. Он как-то вскользь, в одном из ночных диалогов, упомянул район, и я, как профессиональный ищейка, вычисляла радиус его передвижений. Я знала, где находится ближайшая к нему кофейня, и какой вид открывается с холма, где стоит огромный монумент Мать-Армения, сурово смотрящий на город.

Зачем взрослой, состоявшейся женщине превращаться в цифрового сталкера? Наверное, это была отчаянная, инстинктивная попытка сделать фантом осязаемым. Пока Тимур оставался лишь набором пикселей и синих строчек в моем телефоне, он был пугающе нереален. Изучая его город, я пыталась привязать его к реальным камням, к архитектуре, к рельефу местности. Если у города есть четкие координаты, значит, и у моей боли они есть. Значит, я не просто окончательно теряю рассудок — я просто нахожусь в очень длинной, мучительной командировке, из которой пока нет билета назад.

— Наташа, ты опять билеты смотришь? — Антон внезапно заглянул в мой ноутбук, когда я в очередной раз открыла сайт авиакомпании, гипнотизируя даты. — Мы же договорились, что в феврале никуда не летим, у старшего подготовка к экзаменам, у младшего секция, да и работы у меня завалы.

— Я просто смотрю направления на весну, — я быстро захлопнула крышку ноутбука, чувствуя, как лицо обдает жаром, будто меня поймали за просмотром порнографии. — Хочется тепла. В апреле, говорят, там уже всё цветет.

Слово «Апрель» я произнесла с той внутренней, едва контролируемой дрожью, которую муж принял за обычное нетерпение по поводу долгожданного отпуска. Он не мог знать, что для меня Апрель был не месяцем в календаре, а единственной причиной продолжать вставать по утрам и делать вид, что я существую. Это был мой алтарь, на который я была готова положить всё.

Тимур чувствовал мою одержимость его пространством. Ему это льстило, подпитывало его мужское эго. Он присылал мне короткие видео: вот он едет на машине по ночному городу, в динамиках хрипит какой-то местный рэп, в окне мелькают размытые огни проспекта Маштоца. Эти пятнадцать секунд видео я пересматривала по пятьдесят раз за день. Я анализировала случайное отражение его лица в боковом стекле, пыталась разглядеть выражение темных глаз, ловила каждое мимолетное движение его сильных пальцев на руле. Я пыталась расслышать звуки за окном, поймать шум чужого города.

— Здесь пахнет жженой травой, сухим шашлычным дымом и пережаренным кофе, Ната, — писал он мне, пока я сидела на очередном скучном совещании. — Москва пахнет большими, грязными деньгами и какой-то тотальной, удушающей несвободой. Приезжай в апреле. Я покажу тебе, как горы съедают солнце.

Я закрывала глаза прямо посреди рабочего дня, игнорируя отчеты сотрудников, и представляла этот запах. Моя тос-

ка приобрела конкретный вкус — горький, пыльный и терпкий. Я начала покупать продукты, которые раньше обходила стороной в супермаркетах. В моем холодильнике появились рассольные сыры, бастурма, армянский лаваш и кинза в невероятных, пугающих количествах. Я пыталась «наесться» его миром, выпитая его через рецепторы, чтобы моя собственная кожа начала пахнуть так же, как его сообщения. Мой муж недоуменно ковырялся вилкой в тарелке:

— Дорогая, откуда эта внезапная любовь к кавказской кухне? Мы же всегда предпочитали что-то легкое, средиземноморское. Нам обоим вредна такая тяжелая пища.

— Захотелось остроты, — отвечала я, не поднимая глаз от тарелки, чтобы он не увидел в них отражение чужого города.

«Остроты» — это был самый жалкий, трусливый эвфемизм того года. Мне не хватало не перца в еде, а ощущения того, что я еще способна гореть, что во мне осталась хоть одна живая, не атрофированная клетка. Моя география тоски была ломаным путем от «итальянского комфорта» моего брака к «армянскому фатализму» моей новой, разрушительной зависимости.

Я изучала историю его страны так, будто мне предстояло сдать по ней самый важный экзамен в жизни, от которого зависело мое выживание. Я читала о великих победах, о древних царях и страшных трагедиях этого народа. Я пыталась понять: какой генетический код несет в себе этот мужчина, который младше меня на одиннадцать лет? Почему он

так легко бросает мне в лицо это свое «я тебя не выберу», и почему в его устах это звучит не как малодушие, а как следование какому-то древнему, нерушимому закону крови?

Я искала оправдание его жестокости в его корнях. «Он армянин, — убеждала я себя ночами, пока Антон мирно сопел рядом, — у них семья — это святое, у них традиции стоят выше личных прихотей и мимолетных увлечений. Он просто не может пойти против воли матери, против системы». Так я кропотливо выстраивала вокруг него ореол трагического героя, жертвы обстоятельств, хотя на самом деле он мог быть просто молодым, избалованным эгоистом, которому было чертовски удобно иметь в Москве влюбленную, статусную «Нату» для бесплатной эмоциональной подпитки в перерывах между своей настоящей жизнью.

Февраль в Москве тянулся, как густой, черный деготь. Я жила от одного уведомления до другого, превратившись в тень. Расстояние в две тысячи километров между нашими телами превратилось в плотную мембрану, сквозь которую я безуспешно пыталась докричаться до самой себя. Я обнаружила, что могу часами, затаив дыхание, смотреть на онлайн-веб-камеры Еревана в режиме реального времени. Вот кто-то переходит дорогу у оперного театра, вот проехала темная машина, похожая на ту, что была на его видео. Может, это он? Эта вероятность, ничтожно малая, математически неощутимая, давала мне иллюзию сопричастности, ложное чувство близости.

Моя тоска была топографической, осязаемой. Я знала, что если сейчас выйду из дома, поймаю такси до аэропорта и куплю билет на ближайший рейс, то через три с небольшим часа я окажусь в Звартноце. Я видела этот аэропорт на сотнях чужих фотографий, изучила его футуристические изгибы из бетона и стекла. Я представляла, как выхожу из терминала, и меня обдает этим самым чужим, теплым воздухом, в котором нет московской гари и тяжести моих обязательств. Но я оставалась стоять на кухне, механически разливая суп по тарелкам для детей.

— Ты сегодня опять не спала? — спросил Антон за завтраком, заметив мои глубокие темные круги под глазами, которые уже не был способен скрыть ни один дорогой консилер. — Наташа, ты таешь на глазах. Может, обследуешься?

— Читала допоздна, — коротко бросила я, убирая волосы за ухо.

— Что именно? Опять те твои заумные психологические дебри?

— Про древние цивилизации, — тихо ответила я, глядя в свою чашку. — Про то, как целые города уходят под землю из-за землетрясений, а люди продолжают строить дома на тех же разломах и верить в богов, которых никогда не существовало.

Он посмотрел на меня с искренней тревогой и непониманием, и он был абсолютно прав. Я была безумна. Моя жизнь превратилась в картографический атлас одного единствен-

ного человека. Я знала высоту гор, окружающих его долину, я знала названия всех церквей Эчмиадзина, я знала, как плачет дудук, когда на нем играют о невозвратной потере.

Тимур стал моим личным, недостижимым Эверестом, на который я пыталась взобраться по тонкой, гнилой веревке из текстовых сообщений. Я не понимала, что эта веревка обрвется при первом же реальном испытании. Я верила, что если я выучу его географию, если я мысленно стану частью его ландшафта, он просто не сможет меня оттолкнуть, когда придет время. Я заполняла свои внутренние пустоты — дефицит смысла, дефицит страсти, дефицит элементарного человеческого внимания — названиями армянских улиц, площадей и горных хребтов.

— Ната, ты слишком глубоко зарываешься, — написал он мне однажды норовисто, когда я спросила его о каком-то мелком воспоминании из его детства в Ереване. — Не пытайся стать частью моего города раньше времени. Оставайся моей далекой москвичкой. Мне нравится этот контраст: твоё холодное северное спокойствие и мой жаркий, южный текст. Не ломай эту картинку.

Он жестко, профессионально удерживал дистанцию даже в словах. Он не хотел, чтобы я проникала в его реальный быт, в его настоящие будни. Ему нужна была я как красивая абстракция, как идеальный голос из телефона, тоннами качающий ему энергию и восхищение на расстоянии. А я хотела прорасти в него, пустить корни под этот розовый туф его

зданий, стать его утренней чашкой черного кофе, его тенью на Каскаде.

Моя география тоски была изнуряющим бегом по замкнутому кругу. Я бежала от мужа к Тимуру, от Москвы к Еревану, от реальности к спутниковым картам на экране. И в самом центре этого безумного круга стояла я — сорокадвухлетняя женщина, которая окончательно потеряла всякую ориентацию в пространстве. Я больше не знала, где мой настоящий дом. Там, где жили мои дети и строились честные, прозрачные, но мертвые отношения с мужем? Или там, где мужчина, который меня никогда не выберет, прямо сейчас курит на балконе, глядя на темный силуэт Арарата, и лениво набирает мне: «Привет, Ната»?

Февраль подходил к концу, оставляя после себя горы распечатанных маршрутов, закладок в браузере и полное ментальное истощение. Я была внутренне готова к любому прыжку в неизвестность. Я свято верила, что география — это судьба. И если я выучила все дороги его города, то я обязательно найду путь к его сердцу, когда наступит весна. Я еще не знала, что в его реальной жизни для меня не предусмотрено ни одной улицы, ни одного крошечного, самого темного переулка. Весь его Ереван был для меня закрыт.